

Новая экономика: онтологические изменения и теоретические начала

Термин «новая экономика» появился в 90-е годы XX в. в США. И хотя следует отметить его неоднозначность трактовки, все же он широко проник как в деловую практику, так и в научную литературу. Высказанные ранее мифы о будущем обществе, сформулированные в последующем В. И. Вернадским в гипотезу о ноосфере, в настоящее время приобретают реальные контуры и очертания. Информационная революция, завершая технико-экономический цикл развития революции промышленной, в свою очередь положила начало принципиальным структурным изменениям во всех сферах и областях деятельности человека, включая и сознание последнего. Эти изменения, безусловно, нуждаются в дальнейшем осмыслении и практическом использовании, на чем основывается вся история.

Понятие неэкономике

Сам термин «неэкономике» («новая экономика»), как показывает анализ литературы, трактуется двояко. Во-первых, он употребляется как синоним постиндустриальной, постэкономической ступени развития, в которой органически переплетаются традиционный сектор экономики с новыми элементами, придавая всей системе принципиально иное качество. Во-вторых, в узком смысле слова – это характеристика тех новых изменений, которые возникают в современной экономике.

Если воспользоваться схемой С.Ю. Глазьева, то структура экономики индустриального типа может быть представлена 1-3 технологическими указами¹. Основной общественной формой организации и развития для этого этапа выступает производительный капитал, а нормой, параметром регулирования является средняя норма прибыли предприятий машиностроительной отрасли и нефтехимии. Формирование новой экономики соответственно связано с 4 и 5 технологическими укладами. Это, прежде всего, производство и использование робототехники, электроники, развитие средств и отношений телекоммуникаций, использование достижений тонкой химии и биотехнологии, космических технологий.

Новая экономика, таким образом, обусловлена, прежде всего, новым технологическим прыжком пятого цикла, о чем свидетельствует следующая таблица 1.

Из таблицы следует, что современная экономика усложнилась, изменив свою структуру под влиянием и воздействием тех аспектов, которые свойственны прежде всего новой экономике. Свойственные для нее проявления стали доминирующими как в общей стратегии развития, так и в традиционных отраслях и отношениях. Как влияние, например, электричества проникло во все

---

¹ Глазьев С.Ю. Экономическая теория технического развития. М., 1990.

Таблица 1.

Технологические прыжки и циклы

Циклы	1 цикл	2 цикл	3 цикл	4 цикл	5 цикл
Начало цикла (год)	1780	1845	1890	1945	1990
1. Применение	Паровая машина	Поезда	Освещение кино, моторы	Автомобиль, телефон, телевизор, компьютер	Software, мультимедиа, экономика услуг
2. Технология и сырье	Пар	Сталь, уголь	Электричество, химия, нефть	Электроника, ядерная технология	Информационные технологии, биогенная техника
3. Сети	Торговые сети	Сети транспорта	Энергосети	Коммуникационные сети	Глобальные сети, знания

Источник: Deutschland. 2001. № 2. S. 43.

производства в конце 19 в., так и научно-информационная составляющая, дополненная компьютерными технологиями, стала ведущей в конце 20в. – начале 21 столетия.

Неоэкономика и онтологические изменения

В связи с этим новым технологическим прыжком произошли принципиальные изменения во всех сферах, с которыми надо считаться людям-практикам, ученым, политикам. Во-первых, информация стала самостоятельным ресурсом, имеющим специфическую ценность и весьма отличительный от традиционных отраслей производственный процесс, форму его организации и управления. Доля информационного сектора¹ за последние 15 лет кратно выросла и составляет в развитых странах 45-65% [1. С. 7]. Воспроизводимость – безграничность – временная определенность – три признака, которые принципиально отличают информационный ресурс от других ресурсов, что вносит существенные изменения в систему отношений, ценовое измерение и др.

Во-вторых, информация и весь информационный сектор является самым мощным источником, генерирующим современное социально-экономическое развитие, динамику и рост. По сути, это дополняет современную теорию эндогенного экономического роста. Например, к 2000 г. в известных странах, имеющих характеристику индустриально развитых, информационный фактор составил 50-75% добавочной стоимости. [2. С. 11]. Аналитики подсчитали величину ВВП, произведенного американскими работниками, имеющими образовательный ценз в 10,5, 12,5 и 14 лет. Оказалось, что именно третья группа

¹ Актуальными сегодня является исследования по инвентаризации отраслей на современные, полу традиционные и традиционные, исходя из их роли в технико-экономическом и социальном развитии.

дает свыше половины ВВП. Подобные исследования проводились и в России. Люди с высшим образованием, составляющие 25% работающих, производили 56% стоимости нац. дохода¹. [3. С.173-174]. Т. Эггертссон отмечает, что если предположить страну j , а y^1 - душевой доход этой страны, то при мировом запасе знаний W^1 этот доход страны есть функция от используемого страной всего мирового запаса знаний: $y^1_j = f(w^1)$ [4. С.9].

Следовательно, от степени и активности комплексной разработки научно-информационных и отраслей, обеспечивающих воспроизводство «человеческого капитала», в конечном итоге зависят не только макроэкономические показатели текущего благополучия, но и динамики развития как в «старом», традиционном, так и в «новом» измерении². Не составит большого труда, подсчитать количество занятых в научно-информационной сфере Беларуси, выполнить ревизию имеющегося наработанного потенциала как в части имеющихся идей, так и правоприменительной практики использования интеллектуальным ресурсом, подсчитать степень готовности экономики к нововведениям, чтобы дать более или менее четкий прогноз относительно результатов провозглашенной стратегии на инновации. И тогда станет понятно, чего здесь больше словесной риторики (даже и правильной) или позитивных изменений возможных и реальных.

В-третьих, намечилось изменение в механизме и траектории экономического прогресса. Внедрение информационных технологий, не разрушая традиционных укладов, все же в целом создают новое качество взаимодействия техники и технологий, экономических отношений и форм, институциональных и социальных связей. В результате срабатывает синергетический эффект (кумулятивный по Т. Веблену, «созидательного разрушения» по Й. Шумпетеру), макрогенераций³, где на гребне волны возвышения совпадают амплитуды различных циклов: технико-технологического, ресурсно-энергетического, капитального, финансового, социально-экономического и информационного [5, 6, 7, 8]. И хотя влияние законов информации на всю совокупность порядков и отношений еще ждут своих специальных исследований, все же уже сегодня накопленные данные позволяют заключить, что из всей совокупности циклов информационный цикл является доминирующим.

Информационный цикл отражает, прежде всего, способ мышления, а также способ работы с информацией: ее сбором, обработкой, производством, накоплением, обновлением, защитой, передачей, обменом и использованием целесообразной информации. По мнению Д. Норга и Р. Фогеля, именно способы

¹ Чтобы определить стратегические приоритеты развития (в РБ они известны сегодня как жилье, продовольствие, экспорт) также необходимо проанализировать долю каждой отрасли и сектора в ВВП, структуре национального богатства, общей экономической структуре. Думается, приоритеты после этого получатся совершенно иными.

² Развитие «новой экономики» внесло необходимость поиска новых агрегированных показателей, способных отражать не только стоимостные результаты экономической деятельности, но и накопленный потенциал хозяйства, не попадающий в рыночную систему оценок, но имеющих общественную значимость, характеризующих возможности и условия развития и роста. См., например, Karunarathe N.D. Analytics of Information and empiric of the Infor – Economy // The Information Society. v.u. N 4.

³ О влиянии макрогенераций на эволюционный процесс см.: Маевский В.В. Эволюционная макроэкономика и неравновесные процессы. – В кн. Эволюционная экономика и «мэйнстрим». М., 2000. С.15-30.

мышления и методы сбора информации являются главными в объяснении экономической истории государств.

Временные рамки информационного цикла выходят за пределы долгосрочного кондратьевского периода, а траектория его имеет дискретный характер, фиксирующая переход на качественно новую научную и образовательную парадигму. Сейчас мы являемся свидетелями и участниками одновременно настойчивого поиска и внедрения как у нас, так и за рубежом новых, более эффективных методик и образовательных технологий, отражающих происходящие научные, практические, информационные и психологические изменения людей.

В-четвертых, и это вытекает из предыдущих положений, изменяется структура и форма общественного богатства. Натурально-имущественная и стоимостная формы уходят как бы в основание общей структуры создаваемого (и произведенного) богатства, вершину которого замыкает богатство информационное, социокультурное или человеческое. Информационное богатство имеет крайне специфическую потребительную ценность. «Стоимость, созданная знанием, по своему характеру требует в высшей степени субъективированного общества, иначе она не сможет получить должного признания», - пишет Т.Сакайя. [9. С. 352]. Примером здесь может быть цена галстука или косметики известной фирмы, кратно превосходящую цену на аналогичную продукцию менее известной фирмы. И покупатель платит не за дополнительные граммы или площади изделия, а за те особенности потребительной стоимости, технологическое своеобразие, которое придало в конечном итоге общественное признание марки этой фирмы ее популярность.

Если предположить, что экономическая деятельность – это прежде всего деятельность информационная, то категория информации выступает универсальной атрибутивной характеристикой всех объективно-субъективных хозяйственных отношений. Информация, таким образом, есть субстанция современной экономики в отличие, например, от стоимости, которая несла в себе отпечаток общественного труда во времена представителей классической политэкономии.

В настоящее время заслуживает поддержки и развития мысль о том, что «инструменты и машины, будучи овеществленным трудом, суть в то же время овеществленная информация. Эта идея справедлива по отношению к капиталу, земле и любому другому фактору экономики, в котором овеществлен труд. Нет ни одного способа производительного приложения труда, который в то же самое время не был бы приложением информации. [10. С. 398] Но информация как, например, деньги, акции, права собственности и пр. может существовать и существует как самостоятельный ресурс, о чем уже отмечалось. В ней находят отражение понятия «экономического времени», о чем когда-то говорили Й. Шумпетер и Н. Кондратьев.

В-пятых, на базе бурного развития электроники, кибернетики, космических спутников связи, программного обеспечения информационная революция осуществила переворот в средствах телекоммуникации, завершив формирование глобального общества со всеми его признаками и характеристиками, которые еще только активно обсуждаются. Действительно, благодаря, например, транспортной инфраструктуре, внедрению новых поколений авиационного, автомобильного, водного и железнодорожного транспорта, а также быстрому наращиванию сети международных трубопроводов сократилось экономическое пространство и спрессовалось

время, сблизив тем самым расстояние между странами, фирмами, людьми. Перевозки грузов и пассажиров значительно ускорились и стали дешевле. Например, средняя стоимость человеко-мили воздушных перевозок в 1930 г. составляла по курсу 1990 г. в 1950 г. 30, а в 1990 г. – 11 центов. За последние шесть десятков лет более чем в 6 раз подешевели авиаперевозки. Реальная стоимость морских грузоперевозок с 1920 по 1980 гг. упала почти на 75 % при том, что общий тоннаж мирового торгового флота с 1950 по 1999 гг. возрос в 6,4 раз, а объем перевезенных грузов – в 10 раз.

Всемирная паутина Интернет к 2001 году охватила более 300 млн. пользователей, если еще только в 1991 г. их было всего лишь 5 млн., а в 1996 г. – 60 млн. [11. С. 17]. Через каждые 100 дней информационный объем удваивается, а ежегодный рост составляет 7,3 раза.

В результате этого возникла принципиально новая ситуация. Прежде всего резко возросла мобильность капиталов и изменились смысл и формы организации производства, в отдельных видах которого расстояние не имеет решающего значения. Виртуальность экономических процессов приобретает устойчивую характеристику. Можно, например, получать образование, находясь вдали от учебных заведений и центров, что повышает качество человеческого капитала со всеми вытекающими отсюда последствиями. Заключать контракты также можно преодолевая расстояния, что меняет понятие экономического субъекта.

В-шестых, произошел не только количественный, но и качественный скачок в развитии транснациональных корпораций (ТНК). Прежде всего сами ТНК приобрели свою идейно-концептуальную завершенность. Понятие периферии и центра благодаря информационным сетям потеряло свое первостепенное значение и смысл. Это изменило структуру, направления и объем инвестиций, а последние, как известно, являются решающим фактором социально-экономического развития. Особенно в долгосрочной перспективе.

С середины 80-х годов индекс роста прямых зарубежных инвестиций значительно опережал аналогичный индекс валовых внутренних вложений и к концу 2000 г. превышение составило более, чем семикратный уровень. Отношение зарубежных активов к мировому продукту возросло с 4,9 % в 1945 г. до 56,8 % в 1995 г. В итоге значительно расширился диапазон возможностей удовлетворения предпочтений потребителя. Электронная форма торговли и расчетов эти возможности превращает в действительность, ускоряя и увеличивая объем транзакционных сделок, а вместе с ними и величину транзакционных издержек. Правда, распределение выгод от внедрения электронных транзакций и фактических транзакционных издержек осуществляется непропорционально из-за отсутствия опыта в подобного рода мероприятиях.

Однако с глобальной точки зрения важно отметить рост степени влияния ТНК и ТНБ (транснациональных банков) на все политико-экономические процессы. Они контролируют сегодня до 1/2 мирового промышленного производства, 2/3 международной торговли, около 4/5 мирового банка открытий, патентов, лицензий и технологий [11. С. 18]. Вследствие этого экономики стран как экспортирующих, так и принимающих капиталы сами становятся все более транснациональными и зависимы от возникших наднациональных рынков и международных институтов. Сегодня международные институты являются главными законодателями (техническими, программными, инновационными), регуляторами и основными пользователями

первичного продукта информационной деятельности. В последующем происходит дальнейшее распределение информационного продукта, законы которого никак не отвечают известным экономической теории законам распределения совокупного общественного продукта. Можно для иллюстрации вспомнить высказывание Капицы о принципиальной разнице обмена между людьми яблоками и идеями, обогащающий во втором случае общество на количество воспринятых идей.

В-седьмых, существенно исходя из ограниченности суверенитета страны меняется содержание национальной политики, ее формы, структура, реализация стратегических и тактических целей. Центр, тяжесть конкуренции из сферы экономической влиявшей на национальную политику, переносится уже в политическую сферу, что диктует в свою очередь правила конкурентной борьбы в области экономической¹. Глобальная политика определяет необходимость увеличения открытости экономик, которая возросла с 16% в 1950 г. до 37% в 2000 г. [11. С.19].

И в этом проявляется один из множества парадоксов, которые сопровождают «новую экономику». Суть его заключается в том, что увеличение открытости экономики какой-либо страны не только подрывает ее национальный суверенитет со всеми составляющими, но и создает условия для извлечения глобальной ренты ТНК и ТНБ. Этим закрепляется экономическое, политическое и социальное неравенство страны. Но с другой стороны государство, создающее жесткие границы также лишается возможности извлечь выгоду от торговли, инвестиций, внедрения инноваций. Но уже очевидно, что современные слаборазвитые государства сами не сумеют преодолеть установленные для него различными способами пределы для своего развития, потому что за последние десятилетия разрыв между странами не только сократился, как прогнозировали, а значительно увеличился.

Кроме того, что за последние полстолетия экономическое неравенство между странами и людьми резко увеличилось, возникла новая форма эксплуатации и неравенства – информационная, т.е. разноступность стран и людей к достоверной (!) и научной (!) информации. С одной стороны, разные страны имеют существенно различную материально-программную подготовку и условия для участия в деятельности мировой информационной сети. А с другой – глобальную ренту можно получить лишь манипулируя сознанием и поведением всего активного человечества на информационном поле. Это то новое «экономическое поле», которое уже освоено небольшой частью интеллектуальной, финансовой и политической элиты, не имеющей национальной принадлежности, но имеющей доминирующее влияние в мире.

Возникли, если использовать привычную терминологию, новый класс, сообщество, социальные группы и целые нации, которые умело используются всеми преимуществами нового информационного ресурса, распоряжаясь богатством, которое они не присвоили в ходе привычной эксплуатации, а скорее сами создали (познали, освоили) своей творческой деятельностью, не отняли силой в военных действиях, а придали ему социальную ценность и обрели его, соблюдая известные рыночные правила и демократические процедуры.

---

¹ Об изменении стратегии конкурентной политики на разных стадиях развития государства обоснованно и глубоко писал М. Портер в книге: Портер М. Международная конкуренция. М., 1993. В отечественной же литературе, к сожалению, о конкуренции говорится безотносительно проявления ее различных форм на конкретно-исторических этапах развития. Это тот же «черный ящик», которым была конкуренция и фирма в западной литературе в начале XX века.

Парадоксально то, что рыночная система, функционирующая на принципах либеральных и демократических ценностей, осваивая в процессе развития новые ресурсы, технологии и формы отношений, создали экономическое пространство, утверждающее свою противоположность поведения – неравенство, информационно-финансово-политический тоталитаризм, автократию. Этика, которую в свое время преподавал А. Смит и нашедший эффективные и справедливые для своего времени экономические принципы реализации морально-нравственных идеалов, сегодня еще не освоила всей остроты возникшего нового противоречия и признает пока такую ситуацию нормальной. Но острые события последних лет все же заставляют более основательно задуматься о последствиях «расколота цивилизации» [12, 13, 14, 15].

Новой экономике – новое теоретическое мышление

Эволюция товарно-денежных операций породила меркантилизм, физиократы объясняли и анализировали сельское хозяйство, эпоха промышленного капитала выступала объектом исследования классической политэкономии. Неоклассицизм отвечал духу времени, влияние силы монополий, воздействующих через цену на социально-психологическое поведение. Логическим продолжением является поиск новой теории для «новой экономики». Некоторые аспекты аналитического восприятия новых тенденций в связи с информационно-компьютерной революцией отражены выше. Здесь зафиксируем лишь отдельные, наиболее важные, на наш взгляд, чисто теоретические проблемы влияния расширения хозяйственной деятельности за привычные рамки производственно-материальной деятельности, существенно изменившие всю систему отношений, но до сих пор остающихся под углом зрения оценки «традиционной» неоклассической теорией.

Прежде всего теория новой экономики должна строиться на методологическом подходе, принимающем во внимание два принципиально иных по сравнению с предшествующим гносеологическим достижением компонента. Первый – признание в познавательном объекте активного сознательного начала, уже владеющего в какой-то степени информацией и располагающего комплексом психологических свойств, адекватных современному экономическому социуму, позволяющих последнему реагировать на изменяющуюся в том числе и конкурентную среду¹. Второй аспект теории относится к тому, что экономисты игнорировали до самого последнего времени, – это признание в людях свойств и целей, выходящих за узкие утилитарные пределы, которыми традиционно экономисты ограничивают свои

---

¹ Просто знание и знание о знании существенным образом меняет предположение о том, как будут вести себя экономические агенты: потребители, производители, политики, законодатели. Сегодня мы наблюдаем «экономический спектакль» по той теории сценического искусства, которая существовала ранее и по которой поставил спектакль режиссер. Этот «спектакль» хотя приносит доходы, уже больше не привлекает «зрителей». То есть критикуется как современная практика, так и существующая теория.

Но как возникла современная ситуация и кто ее «режиссеры» – это остается пока существенным вопросом, поскольку экономистами элемент когнитивно-информационного влияния на теорию, а последней и на практику пока не учитывается. Правда, анализ приобретает несколько иной смысл, если это хоть как-то имплантировать в теорию. Например, некоторый учет обстоятельств разнородности олигополистического поведения позволяют выделять стратегии поведения Курно, Бертрана или Штакельберга.

аналитические конструкции, и включение активных рефлексивных моделей сначала в познавательную деятельность, а потом и в управленческие решения. Информационные технологии делают не только предметом труда, но и экономической науки сознание человека, проявляющееся в различных общественных формах [16. С. 169 - 294]. Еще ранее экспериментально доказано, что тонкие материи, заметившие себя в исследовательском фокусе, значительно меняют свои свойства. Это означает необходимость пересмотра аксиом. Человек же, принимающий себя как игрок в массе игроков, и понимающий правила игры, вероятнее всего будет выбирать для себя варианты поведения, в которых учтет себя и как наблюдаемого среднестатистического индивида, и выполнит определенные функции наблюдателя, после чего попытается выйти за пределы возможно новой предполагаемой кем-то (может быть и государством, организаторами локального рынка и пр.) очередной «ловушки». Надо отметить, что возможных аналитических вариантов, а, следовательно, и вариантов поведения в зависимости от степени достоверности циркулируемой информации может быть целое множество, в котором иногда теряется даже тот, кто запускает ложную или ограниченно правдивую информацию. И для этого есть основание, поскольку впитав определенного качества информацию, люди будут руководствоваться именно последней, даже если она не будет отвечать реальным условиям и практике. И такой факт надо будет признать уже объективным фактом и считаться с ним как с реальностью. Такая и другие аналогичные ситуации, которых может быть множество, еще далеко не изучены, по крайней мере экономической теорией. Однако фактом остается огромное влияние пиаровских технологий на сознание в целом и его составные части, включающие, например, экономическое, политическое и другие уровни и формы сознания. Естественно, это формируемое (целенаправленно или стихийно) политико-экономическое сознание можно и необходимо учитывать, определяя при этом вероятность выбора потребителем, группой потребителей, например, фанты или принятия очередного политического решения, в котором всегда присутствуют чьи-то предпочтения в проведении определенной экономической политики.

Новую теорию нельзя придумать. Можно, отразив вначале ее начальные, а потом и общие положения, которые, так или иначе, уже высказывались в оценке новых тенденций реальных процессов, прописать их непротиворечивой концепцией, обобщив лишь в последующем целостной теорией. Сейчас в части создания «новой теории информационной экономики» можно наблюдать лишь этап генерации гипотез и выдвижения отдельных положений, отражающих изменения и влияния экономики информации. Выскажем некоторые из них.

Итак, информация из разряда косвенных признаков, принимаемых во внимание экономическими агентами, становится основным ресурсом, услугой и продуктом. Впервые проблема информации как всеобщего товара была затронута в статье А. Харта¹. Более тридцати лет тому назад он доказал, что невозможно преодолеть производственный цикл без притока новой информации. Впоследствии концепция стоимости информации получила развитие в статистических исследованиях, некоторых инженерных науках, в науке управления. Что касается экономической теории, то включение информации в область анализа дало основание Дж. Хиксу, П. Самуэльсону, Дж.

---

¹ Hart A. Risk, Uncertainty and Unprofitability of Compounding Profitabilities. In: Studies in Mathematical Economics and Econometrics. Chicago, University of Chicago Press, 1942.

Дебре и другим современным экономистам в последующем² несколько иначе посмотреть на теорию общего экономического равновесия. В этой теории единственным фактором, определяющим поведение индивидов является цена, которая выполняет главную информационную функцию. Кроме этого неоклассическая теория в своем анализе исходила из аксиомы равного и полного доступа к информации всех субъектов хозяйствования, что далеко от реальности.

Но как показывает более глубокий анализ, на принятие решения оказывает влияние и неценовые переменные или, иначе говоря, сигналы о множестве различных других обстоятельствах. Из этого вытекает, что представленная «традиционной» неоклассической теорией ситуация конкурентного равновесия есть также идеальный частный случай.

Информация – это не только экономическая категория, как утверждает К. Эрроу [17. С. 98-107]. Она своим содержанием выходит далеко за «экономическое поле». Однако в современной экономике информация действительно приобрела устойчивый и экономический статус и, соответственно, характеристики. Прежде всего, это товар, обладающий стоимостью и потребительной стоимостью. Специфичность как стоимости, так и потребительной стоимости информации придают в целом специфичность и всему товару, который имеет свойство неделимости и временного периода существования. Последнее обстоятельство можно проиллюстрировать, например, размером высокой цены на суперпопулярный галстук известной фирмы, которая после прохождения пика моды уже не может стабилизироваться так же, как на зерно после урожайного (неурожайного) года. И никто не будет скупать эти галстуки по дешевой цене в надежде в последующем продать их по цене более высокой. Это является следствием того, что исчезает общественная полезность, которая лишает основу цены на ее повышение.

Информационная деятельность и соответственно услуги выходят за пределы того, что называют информационным рынком. И рыночный и просто обмен информацией не попадают в прописанную классиками/неоклассиками теорию обмена. Информация как исходный ресурс социализированного общества и как конечный его продукт, сфера жизнедеятельности этого общества является прежде всего общественным благом. Это своего рода и институт, который обеспечивает нормальное демократическое существование и функционирование современного общества. Уже не распределение материального продукта выступает основным критерием нарушения прав человека или же проявлением монополизации локальных рынков. Как и государство, так и монополии обязуются под общественным контролем (если это получается) предоставлять необходимую информацию не только «для служебного пользования», но и для социально-политической и экономической регламентации. Парадоксально то, что на современный рынок в связи с развитием информационной сферы все большее влияние приобретают нравственные ценности и сами организационные механизмы. В частности, контроль за качеством продукции должны осуществлять нерыночные институты, поскольку, как пишет К. Эрроу, «индивиды на рынке преследуют личную выгоду, что нередко приводит к сокрытию истинного положения дел»

---

² Дж. Акерлоф, Дж. Стиглиц и М. Спенс получают в 2001 году Нобелевскую премию за разработку идей теории рынка несовершенной информации. Это свидетельствует о важности этого теоретического направления и необходимости его дальнейшей разработки.

[17. С. 107]. Дж. Сорос подавление естественной информационной свободы рынком назвал смертельной угрозой для современного общества с его ориентацией на демократические ценности, для чего в первую очередь предложил и потребовал изменить содержание системы отношений в мировых финансовых сферах.

Информационный обмен не вписывается в закон стоимости, а также спроса и предложения, поскольку участники трансакций не отражают уровень эквивалентных отношений. К тому же механизм ценообразования на продукцию информационной деятельности влияет на покупателей и продавцов так, что равновесие между спросом и предложением приобретает несколько условный характер. Дело в том, что в оценке капитальных активов, которые играют первостепенное значение в формировании цен на продукцию, осуществляется переход к оценке нематериальных активов интеллектуальной собственности как в настоящем, так и в будущем.

Известное правило неоклассиков о равенстве предельных издержек и предельного дохода также не отражает меновых пропорций. Оценка предельных издержек и предельной выгоды в части информационной деятельности не имеет, кроме всего прочего, устойчивых критериев. Иначе говоря, информационный обмен всегда сопровождается асимметричностью операций и отношений. Во-первых, «заказчик» и производитель информации закладывают далеко не одинаковые критерии в оценку производимого информационного продукта. Во-вторых, этот же заказчик, авансируя производство какого-то научно-информационного продукта, рискует и не получить ожидаемый продукт, контуры которого, кстати сказать, достаточно размыты как по потребительским качествам, так и по обоснованию необходимого объема финансирования. В-третьих, информация обладает свойством целостности, когда ее необходимо полностью представить покупателю для оценки, чтобы можно было принять решение об оплате. Однако полученная информация уже может не оплачиваться по причине того, что она уже получена на этапе первоначального знакомства с нею. В-четвертых, продавец информации, получив деньги за информационную услугу, не лишается последней полностью, как это бывает с материальным товаром. Он может и дальше продавать информацию, делая расходы только для тиражирования. В-пятых, информационный продукт очень сложно оценить по потребительским качествам без квалифицированных экспертов, которых широко привлекают для этого, но которые также подвластны разного рода житейским влияниям. Кстати сказать, консалтинговой и инжиниринговой бизнес это есть не что иное, как практическое проявление деятельности экспертов на рынке информационных услуг. В этом бизнесе покупатель и продавец участвуют вместе в создании благ.

Вышесказанное позволяет заключить и то, что информационный рынок имеет тенденцию к монополизации, а следовательно, к экономической и политической дискриминации. Например, если все фермеры знают прогноз погоды и виды на будущий урожай, то они не будут платить за эту информацию. Однако неоплаченная информация подорвет стимулы для ее воспроизводства в будущем. К тому же фермеры в свои решения могут лишь как-то закладывать информацию о всех лицах, которые ей располагают и о том, как будут поступать будущие конкуренты, располагая какими-то сведениями. Продолжение этой логики приведет к тому, о чем когда-то высказался Ф. Хайек, который конкуренцию определил как процедуру нового открытия. Речь идет о

том, что накопление информации может вестись как бизнесом, так и правительством для снижения неопределенности, которая в последующем помогает преодолеть риск и конкурентную ситуацию.

Перед выборами на политическом рынке избирателям достаточно сложно, если не сказать что это вообще возможно при современных политтехнологиях, оценить достоверность той или иной информации о кандидате и принять решение своим скромным голосом, подтверждая как бы свое участие в демократической процедуре выборов.

В информационной экономике нарушается еще один известный экономический закон – это закон убывающей доходности, сформулированный в восемнадцатом веке Т. Мальтусом и Д. Рикардо. Как гласит теория, каждое последующее вложение капитала из-за ограниченности ресурсов и под влиянием конкуренции снижает свою отдачу. Высокоприбыльная отрасль притягивает конкурентов, в результате чего начинают расти издержки, снижаться цены, а, следовательно, и доходы. В результате ситуация на рынке стабилизируется. Но это наблюдается лишь в «традиционных отраслях», т. е. таких как сельское хозяйство, горнодобывающая промышленность и частично промышленность перерабатывающая. Об этом еще заметил в конце 50-х годов К. Кларк в своей «трехсекторной» экономической модели.

В информационной экономике велики первоначальные затраты на производство готовой продукции. И поэтому почти всегда цены на новые товары в несколько раз превышают их действительный полезный эффект. С точки зрения окупаемости это вполне объяснимо. Более того, заложенная доля рентабельности даже первыми экземплярами удовлетворяет коммерческий интерес инвестора. Однако в последующем происходит типичное тиражирование продукции, где затратами могут быть лишь то, что необходимо для копирования. Изменяется структура себестоимости, в которой первоначальные затраты на открытие стремятся к нулю. И даже кратно сниженная цена, таким образом, обеспечивает высокую рентабельность производимой продукции или информационной услуги. И получается, что чем больший объем производства (тираж), тем больше получаемый доход.

Фирма, создающая наукоемкую продукцию, получает также дополнительные источники доходов за счет внешнего эффекта от распространения продукта. Например, широкое распространение программы Windows потребовало дополнительных программных приложений, которые уже распространялись на платной основе. Активное влияние внешнего эффекта от распространения ощущается и в отраслях промышленности, эксплуатирующих средства связи, ибо там вырабатываются нормы, делающие коммуникацию не только необходимой, но и возможной.

Возникает новая норма, регламентирующая не только поведение хозяйствующих субъектов, но и предающая целостность современной экономической системе – средняя норма прибыли высокотехнологических отраслей. Эта норма прибыли является нормативом и базовым параметром, регулирующим экономическую деятельность и интерес хозяйствующих субъектов. В эпоху промышленного капитала, напомним, таким ограничением была средняя норма прибыли промышленного капитала.

Для новой теории принципиально важным является рассмотрение того, что раньше выступало предметом классической политэкономии – производственных отношений современного общества. «Неоэкономика (новая экономика), - пишет В. Г. Белолипецкий, – это экономика, основанная на

глобальном финансовом капитале, который посредством пронизывающих весь этот атлас мира гибких сетей, управляемых мозговыми центрами, формирует особые экономические отношения, в которых производственные отношения преобразуются в хозяйственные связи» [15. С. 315]. Связи, таким образом, в современной экономике разрешают противоречия существующих производственных отношений через согласование интересов хозяйствующих субъектов (сторон). Основной же предмет согласований этих субъектов в современном регулировании производственных отношений – это транзакции и попытка повышения эффективности через снижение транзакционных издержек. Вот как охарактеризовал эти изменения М. Кастельс: «Если капиталистические производственные отношения по-прежнему сохраняются, то капитал и труд оказываются разнесены в разное пространство и время: пространство потоков и пространство территорий, время компьютерных сетей, сжатое до мгновения, и почасовое повседневной жизни. Они живут друг за счет друга, но друг с другом не связаны, ибо жизнь глобального капитала все меньше зависит от конкретного труда и все больше и больше от объема накопленного объема труда как такового, которым управляет небольшой мозговой центр, обитающий в виртуальных дворцах глобальных сетей. На более глубинном уровне новой социальной реальности производственных отношений в их прежнем виде не существует. Капитал стремится уйти в свое гиперпространство, где он имеет возможность беспрепятственного обращения, тогда как труд теряет свое коллективное лицо, растворяясь в бесчисленном множестве индивидуальных форм существования. В условиях сетевого общества капитал скоординирован в глобальном масштабе, тогда как труд индивидуализирован. Борьба между многообразными капиталистами и самыми различными рабочими классами перетекает в категорию более глубинного противоречия между голой логикой потоков капитала и культурными ценностями человеческого бытия» [9. С. 502 - 503]. Эта мысль требует не только осмысления, но и проверки на истину. Однако фактом остается то, что эти изменения являются существенной реальностью, в которой современный мир находит свое развитие. Но самое интересное, на наш взгляд, эти изменения возможно углубить лишь на политико-экономическом срезе.

Политико-экономическая оценка электронной торговли

Активное использование в экономике информационных технологий расширяет диапазон деятельности фирм, домохозяйств, других институтов. Это как бы очевидно на уровне явлений. Но теоретическое осмысление уникального и в некотором роде нового явления во всей его полноте приводит к некоторым другим выводам.

Как показывает анализ, во-первых, практика значительно опережает теоретическое освоения этой достаточно подвижной и противоречивой проблематики. Во-вторых, при ее обсуждении очевидным становится преобладание технико – технологической составляющей как в подходах, так и в самом содержании. В-третьих, прослеживается узко специализированная направленность в исследованиях по широкому использованию информационных и компьютерных технологий в различных экономических, социальных, политических и иных процессах. Естественно, узко специализированные и, таким образом, однобокие, фрагментарные исследования не позволяют воссоздать целостной картины реального

экономического мира, существенно изменившегося как по содержанию, так и по своим формам под воздействием информационного сектора с его соответствующими отраслями и подотраслями.

Любое новое экономическое явление проходит известных четыре этапа: возникновения, становления, развития и совершенствования, упадка и разложения. Использование электронных средств коммуникаций здесь не является исключением. Сегодня, т.е. к концу текущего столетия, можно зафиксировать этап развития информационного сектора экономики, в котором электронная форма торговли занимает лишь небольшое место в информационном секторе экономики: науки и научного обслуживания, банковской и финансовой отраслей, различных информационных технологий и программного продукта, коммуникационной системы, справочного и библиотечного обслуживания. В индустриально развитых странах сектор информационной экономики обеспечивает, как уже отмечалось, более половины ВВП. Как в свое время промышленность, так и ныне информационный сектор является основой для постепенной трансформации традиционных форм хозяйствования в экономическую систему постиндустриального, а в перспективе – и информационного типа, что иногда называют «новой экономикой».

Развитие информационного сектора является объективно детерминированным явлением, поскольку происходит резкое возвышение информационных потребностей людей, домохозяйств, фирм, корпораций и общества с его институтами. Формируется единая информационно – коммуникационная система, в которую разными темпами и формами включается все большее количество государств. Эта единая система является и условием и следствием глобальной экономики, привлекающая к себе в последнее время пристальное внимание исследователей. К сожалению, как пишет Дж. Дж. Стиглер, для экономической теории информация по-прежнему ютится в трущобах, невзирая на то, что она является ценным ресурсом, поскольку знание – сила [18. С. 507]. Смысл этого и других аналогичных высказываний имеет ценность в том, что, во- первых, обращается внимание на проблемы самой теории и на необходимость ее, таким образом, развития через расширение объекта, а следовательно, и предмета науки о хозяйственных процессах. А во - вторых, выдвигаются актуальные новые исследовательские задачи в связи с возникающими проблемами, которые обуславливаются, например, информационно - коммуникационной системой.

Все новые организационные рыночные формы и структуры должны были бы являться следствием стремления экономической системы к минимизации различного рода издержек. Торговля с использованием электронных средств коммуникации по идее должна была бы обеспечить снижение тех транзакционных издержек, которые сопутствуют любому обмену товарных форм в рыночной системе. Этим также должно было бы разрешиться известное противоречие рыночного хозяйства, использующего преимущества разделения труда, специализации и денежной формы общественного богатства. Речь в данном случае идет о снижении больших материальных, денежных и затрат времени покупателя и продавца на поиск друг друга и заключении обоюдовыгодного классического вида контракта, при котором высока степень доверия партнеров в совершаемой сделке и ее низкой неопределенности начиная от равновесной цены и заканчивая вероятностью срыва этой сделки по вине одного из контрагентов, имеющего выгоду от такого поведения.

Действительно, использование компьютерных технологий обеспечило динамику экономического и общественного развития, которое выразилось хотя и в небольших, но устойчиво положительных темпах роста за весь послевоенный период, а также в изменении многих институциональных оснований «старой» европейской цивилизации. Однако нельзя сказать, что произошел существенный рост за счет оживления с помощью компьютерной техники. В некотором роде этот рост связан с самим развитием компьютерной техники, технологий и соответствующих услуг. Тем более нельзя говорить о реальном социально – экономическом прогрессе, поскольку по преимуществу количественный рост обусловил происхождение глобальных проблем, решение которых сегодня требует не только пересмотра оснований принципов хозяйствования, но и значительных затрат на исправление сложившейся ситуации в мире и в отдельных его регионах [19].

Актуализация и углубление теории транзакционных издержек наверняка поможет более менее точно рассчитать эффективность новых институтов рыночной инфраструктуры, включающей в том числе и электронную торговлю. Анализ же предварительной информации позволяет однако уже утверждать, что на текущий момент общественные транзакционные издержки превышают полезный эффект (социальный и индивидуальные) от использования торговли с помощью компьютерных технологий. Причем этот вид издержек от проводимых обменных операций и выгод довольно неодинаково распределяется между участниками хозяйственных сделок. И это становится тормозом для новых инициатив предпринимателей какую бы форму собственности они ни представляли. Возникшие новые рыночные организационные институты стали серьезным препятствием для малого и среднего бизнеса в индустриально развитых странах как с точки зрения непомерных затрат на открытие и ведение бизнеса, так и с точки зрения деловой его адаптации к уже существующей где-то безразличной, а где-то агрессивной по отношению к «новичкам» функционирующей экономической среды. Как известно, проблемы малого и среднего предпринимательства получили достаточно широкий резонанс в литературе за последнюю четверть века [20].

Суть проблемы состоит в том, что обмен товарами, естественно вытекающий из разделения труда и обособления (спецификации) прав собственности на стадии развития промышленного капитала (рынка свободной конкуренции) еще не имел своей организационно-функциональной формы. Ее обособление потребовало определенной уступки торговому капиталу части добавленной стоимости на уровне оптовой торговли посредством соответствующих скидок. Но более важно то, что последний выступил информационным и денежным посредником между реальным производителем и потребителем, определяющим и формирующим конъюнктуру рынка. История и теория деловых циклов подтверждают мощное влияние организационных форм, мотивации поведения торгового капитала, его механизма расчетов с поставщиками и пр. на колебания экономической конъюнктуры, а следовательно, и воздействие на рост и экономические кризисы. Уже на этой стадии профессионального посредничества (биржи, брокерские и дилерские конторы, торговые дома, палаты и пр.) создалась ситуация, когда, во-первых, начали расти по разным каналам транзакционные издержки производителей за сбыт своей продукции. Структура цены продукции, в которой явно отражается растущая динамика затрат на реализацию товаров и услуг, явно подтверждает это. Во-вторых, на этом «стыке» начал возникать информационный шум,

искажающий реальное положение на рынке. Более того, возникла монополия на информацию, а последняя стала не просто товаром, за который уже надо было платить (за участие в аукционе, за рекламу, торговое место), но товаром спекулятивным, приносящим монопольную прибыль, включающей и взятки. Однако главное даже не то, что эта прибыль экономически не оправдана, поскольку крайне сомнительна с моральной и правовой точки зрения оказываемая услуга. Главное то, что формируется неверное представление о реальной экономической ситуации. И данная информация, таким образом, является отправной точкой для новых производственных программ фирм, отраслей и всей экономической политики. И надо сказать, что ученые «помогают» в этом процессе, например, «теоретическим» обоснование будущей конъюнктуры как по отдельным товарам, их группам, так и в целом по прогнозируемой экономической динамике. Эти материалы в итоге служат основой фьючерсных контрактов, которые приобрели большой размах за последние три десятилетия. Дж. Сорос писал об этом в своей книге «Алхимия финансов», подчеркивая, что для того, чтобы быть доходной, теория вовсе не должна быть верной. Институт науки своим авторитетом «обоснованного прогноза» может задавать неверные параметры поведения хозяйствующим субъектам, простым обывателям и государству. Но рано или поздно очередной кризис приводит в соответствие практику с ее структурой производства и потребления, а науку с ее выводами. История здесь богата на факты, подтверждающие это, равно как и то, что пока ни один, к сожалению, научный прогноз относительно будущей конъюнктуры не подтвердился. Последнее обстоятельство заставляет задуматься о причине такого распространенного парадокса. Частичное объяснение последнему уже высказано в предыдущих строках, когда отмечалось влияние широко распространяемых научных идей, в которых трудно бывает отличить истинное заблуждение от сознательно вводимого, на принятие решений экономическими и политическими контрагентами. Другие же факторы научного предвидения конъюнктуры лежат уже в плоскости практического воспроизводственного механизма функционирования экономики.

Конечно, внедрение в торговую сферу (как в оптовую, так и в розничную торговлю, банковскую систему) компьютерной техники и соответствующих технологий внесло свои коррективы в реальный механизм транзакционных товарных и денежных операций. Но противоречие знака (стоимости) и вещи (потребительной стоимости) значительно углубилось. Первая сторона приобрела самостоятельное существование и движение, фетишизируя весь процесс торговли и истинное предназначение последней – соединить покупателя с продавцом, реализовав их цели и интересы. Здесь для усиления реализации своих чисто коммерческих интересов торговый капитал слился с финансовым капиталом благодаря активной политике финансового рынка с его инструментами и механизмами. Общий результат такого объединения достаточно известен – сложилась виртуальная сфера экономики с ее глобальным риском общей мировой нестабильности, проблема которой активно занимает умы экономистов, думающих о перспективном развитии мировой системы в целом и национальных и региональных экономик в частности. Двухпроцентная доля, попадающая на торговли из всей совокупности годовых транзакционных операций в мире, действительно подтверждает остроту мировой нестабильности мировой экономики и ее стратегических перспектив.

Вторая сторона торговли – потребительная стоимость или вещь попала под контроль различных институтов и организаций, комитетов и комиссий, ассоциаций и обществ. Они своими правилами стандартизации, унификации, кодирования, квотирования и пр. буквально разложили натурально-вещественную сторону товара на части, чем приобрели реальное влияние на торгово - экономические операции и их конечный исход. И в этом играют, как известно, активную роль самостоятельные консалтинговые фирмы, для которых эти услуги приносят ощутимый доход. Но следующий парадокс XX века состоит в том, что эти фирмы действуют как монстры, не поддаваясь реальному контролю ни со стороны производителя, ни покупателя. Их заключения, вытекающие из коммерческих предпочтений и интересов, часто бывают смертельными для предприятий-производителей, обжаловать решения которых возможно лишь в суде. Кроме того, что суды привлекают экспертов (зависимых и «независимых»), все это стоит огромных финансовых затрат и времени. А это опять-таки источник роста транзакционных издержек. Но в целом использование электронных средств передачи информации еще более обособил производителя от продавца, продавца от покупателя, где товар или услуга приобретают свою законченную форму бытия. Покупатель, оказавшись казалась бы, в море информации, по существу оказался беззащитным в своем решении «свободного выбора». Те предпочтения, о которых так долго и настойчиво говорили неоклассики, также оказались не дифференцированными и не структурированными. Таким образом, неопределенности и фактора риска с использованием компьютерных технологий в торговых операциях оказывается больше, чем было ранее в период классического капитализма и свободной конкуренции. Увеличились при этом также материальные, финансовые и затраты времени продавца и покупателя на приобретение необходимых товаров и услуг.

Следовательно, стандартные модели анализа реальности, предлагаемые мейнстримом экономической теории для определенных ситуаций, оказываются просто хорошей гимнастикой ума в лучшем случае. Возможно, если бы экономическая теория не была такой узко специализированной, то могла бы заметить и принять выводы ведущих управленцев в связи с распространением компьютерных технологий об изменении метода анализа жизненного цикла продукции с S – образного на U – образный [21. С. 231 – 238]. Иначе говоря, внедрение в торговлю электронной техники создает все условия для очередного, но уже управляемого кризиса. А поскольку это так, то в этом кризисе уже заранее можно предсказать выигравших и проигравших. Но это в том случае, если что – то знать об этом и профессионально заниматься теорией конъюнктуры. Частично на уровне отдельных финансовых фирм такую стратегию избрал для себя трейдинг, извлекающих выгоду от проигравших на основе прогноза.

Еще одна проблема для торговли в том числе состоит в монополизации как производства самой техники, так и программного продукта, функционирования глобальных сетей и обслуживания всего арсенала техники. Например, в 1990 г. члены «клуба семи» обладали 80.4 % мировой компьютерной техники и обеспечивали 90.5% высокотехнологичного производства. Только на США и Канаду приходилось 42.8% всех производимых в мире затрат на исследовательские разработки [22. С. 171].

Конечно, в первую очередь использование электронных средств накопления и передачи информации в этих условиях сразу снимает тайну со

всех коммерческих сделок, что всегда было хрестоматийным явлением и условием совершаемой сделки. Ни один крупный контракт (особенно государственный) сегодня почти никогда не является секретом, в котором бы не был замешан государственный чиновник. Защита же от проникновения в таинство торговых сделок часто дело очень дорогостоящее и мало эффективное по вполне объяснимым причинам. Малым и средним фирмам оно вообще неподвластно из-за своей дороговизны и естественных кадровых проблем.

Страны с так называемыми транзитивными экономиками по многим параметрам отличаются от стран индустриально развитых. Их «стабильное не развитие», опосредованное в том числе и крайне слабой интегрированностью в общую информационную сеть, в некоторой мере является условием «не развитой стабильности». Директорский корпус и узкие специалисты-маркетологи верно утверждают, что слабая информированность (прямая и обратная), например, для белорусских предприятий является камнем преткновения при продвижении товаров на европейские рынки. Часто также непонимание *мирового рынка, его тенденций и динамики* приводит или к закупкам плохого сырья и комплектующих или по явно завышенным ценам. В то же время слабая интегрированность в информационно-экономическое пространство, как бы это еретически ни звучало, является условием защиты от внешних «шоков» глобальной экономики.

Автор этих строк не призывает не использовать электронную форму торговли. Просто в этом случае также необходимо всесторонне анализировать и понимать, что внедрение любых новых экономических форм сопровождается не только выгодами (социальными, частными, индивидуальными), но и издержками разного рода. Среди последних, например, считаемые и не считаемые *совокупные транзакционные издержки*, могут дестабилизировать экономическую динамику, развитие и рост. По крайней мере новые импортируемые в РБ институты до сих пор не обеспечили выход экономики и общества на траекторию устойчивого развития. В мире возник транзакционный сектор, который новыми формами, к которым относится и электронная торговля. Среди многих факторов и условий поступательного воспроизводственного процесса (производство, распределение, обмен и потребление) трудно переоценить значение торговли. Однако данная форма торговли осуществляет перераспределение глобальной ренты. Трудно получить также выгоду там и с помощью того, в чем не имеешь опыта и в чем кого-то, условно говоря, «догоняешь». Мы же «догоняем», подражая и копируя экономические формы, которые уже где-то дали отрицательные последствия, способствующие нарушению хрупкого институционального равновесия. Научное управление экономикой предполагает выяснение как отрицательных, так и позитивных последствий вводимых в экономическую систему новых экономических форм и институтов.

Литература

1. Мельянцев В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // МЭ и МО. 2001. № 2.
2. Цвылев Р. Метаморфоза индустриальной экономики: проблема экономических изменений // МЭ и МО. 2001. № 2.
3. Марцинкевич В.И. Человеческий фактор и эффективность экономики. М., 1991.

4. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М., 2001.
5. Меньшиков С. М., Клименко А. О. Длинные волны в экономике. М., 1989.
6. Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999.
7. Герловин И. Л. Основы единой теории всех взаимодействий в веществе. Л., 1990.
8. Дятлов С. А. Предмет и метод информационной экономики. – В кн.: Экономическая теория на пороге XXI века. М., 1998. Т.2.
9. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
10. Стоуньер Т. Информационное богатство: профиль постиндустриальной экономики // Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.
11. Мировая экономика и международные отношения. 2001. № 8.
12. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М., 1999.
13. Туроу Л. Будущее капитализма. М., 1999.
14. Иноземцев В. Л. Расколота цивилизация. М., 1999.
15. Экономическая теория на пороге XXI века - 5: Неоэкономика / Под ред. Ю. М. Осипова, В. Т. Белолипецкого, Е. С. Зотовой. М., 2001.
16. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. М., 1998.
17. Эрроу К. Информация и экономическое поведение // Вопросы экономики. 1995. № 5.
18. Стиглер Дж. Дж. Экономическая теория информации. - В кн.: Вехи экономической мысли / Под ред. М. Гальперина. СПб., 1999. Т. 2.
19. Туроу Л. Будущее капитализма. М., 2000: Новая постиндустриальная волна на Западе / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999.
20. Смолбоун Д., Вельтер Ф., Слонимский А. Барьеры на пути развития малого предпринимательства в Беларуси. // «Б. Э. Ж». 2000. № 1.
21. Поппель Г., Голдстайн Б. Информационные технологии: миллионные прибыли. М., 1990.
22. «Философия хозяйства». 1999. № 2.